

О. С. Кожухова, Ю. А. Гимранова
O. Kozhukhova, J. Gimranova
г. Челябинск, ЮУрГГПУ
Chelyabinsk, SUSHPU

**ПОЭМА С. А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**
**S. A. YESENIN'S POEM «THE BLACK MAN» IN THE INTERTEXTUAL
ASPECT**

Аннотация: В данной статье мы предприняли попытку интертекстуального подхода к анализу произведения, целью которого является выявление переключек с другими произведениями и другими авторами. Работа посвящена проблеме анализа поэмы «Черный человек» в интертекстуальном аспекте. Нас интересует, как связаны те или иные произведения с образом Черного человека и с самим С. А. Есениным, другими словами, наш интерес направлен на интертекстуальные элементы и их функции в поэме.

Ключевые слова: С. А. Есенин; «Черный человек»; интертекстуальный аспект; переключки; функции связей в поэме; связь с другими произведениями.

Abstract: The problem of analyzing the poem in the aspect of intertext. Intertext and intertextuality. Analysis of the poem «Black man» by S. A. Yesenin. In this article, we have attempted an intertextual approach to the analysis of a work, the purpose of which is to identify similarities with other works and other authors. The work is devoted to the problem of analyzing the poem «Black man» in an intertextual aspect. We are interested in how certain works are related to the image of the Black man and to S. A. Yesenin himself. In other words, our interest is in intertextual elements, connections and their functions in the poem.

Keywords: S. A. Yesenin; Black man»; intertextual aspect; roll calls; functions of connections in the poem; connection with other works.

Творчество С. А. Есенина остается и по сей день загадкой не только для обычных читателей, но и для именитых литературоведов, постоянно возникающие споры и разногласия связаны в большей степени с его поэмым творчеством, в частности, пристальное внимание уделяется «Черному человеку».

Поэма «Черный человек» является самым неоднозначным произведением в творчестве С. А. Есенина, более того, она рассматривается литературоведами как один из важнейших этапов развития его творчества в зрелом периоде. «Черный человек» и по сей день остается одним из «недопонятых» и «неразгаданных» произведений позднего творчества автора, так как поэт и поэма неразрывно связаны между собой, и по отдельности их просто невозможно представить, в ней отражаются попытки Есенина понять себя, проанализировать свою жизнь. Поэма «Черный человек» увидела свет в 1925 году, за полтора месяца до смерти самого

поэта. Это произведение не бессвязный поток мыслей, которые в одночасье хлынули на бумагу, это долгая и кропотливая работа сначала над замыслом, а он возник у Есенина еще задолго до написания, во время его поездок за рубеж, затем уже и над самой поэмой.

Именитые литературоведы даже ставят поэму в ряд лучших произведений автора, читатели же прониклись к ней любовью. Но кто же на самом деле этот «черный человек» и как он связан с А. С. Пушкиным и «Фаустом» Гёте, мы стараемся разобраться.

Установление объема художественного поля, в контексте которого формировалась поэма, может быть отправной точкой целостного анализа последнего крупного произведения С. А. Есенина. На сегодняшний день истоки поэмы «Черный человек» выявлены в полном объеме. До настоящего времени нет ни одного обобщающего исследования, раскрывающего всю гамму литературных параллелей и прототипов героев этого произведения.

Для того чтобы попробовать объяснить факт появления образа «черного человека» у Есенина, можно обратиться к психологии человека. Как правило, людей ярких, эмоциональных и творческих мучат кошмары, страхи и образы. Это могут быть хищники, криминальные личности или мистические создания. Есть даже случаи, когда все эти страхи и кошмары становятся источниками литературных произведений.

Так и случилось у С. А. Есенина. Он в своей поэме создал архетип черного человека. Сам термин «архетип» ввел в научный обиход основатель аналитической психологии Карл Юнг. Психолог трактовал его так: (от др.-греч. ἀρχέτυπον «первообраз, оригинал, подлинник, образец») в аналитической психологии структурный элемент коллективного бессознательного – это универсальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного [4, с. 3].

Есенинский «черный человек» подходит под черты юнговского архетипа:

1. Появляется в разных эпохах и у разных народов (например, черные скандинавские великаны в эпосе, «Фауст» Гёте).
2. Проявляется в фольклоре (образ Чернобога в славянской мифологии и Черный всадник из русских народных сказок).
3. Имеет свой собственный символ (черный цвет) и воспринимается доосознанно.

Все вышперечисленное доказывает, что образ «черного человека» – это не частная выдумка самого Есенина и не плод его фантазии, а вполне сформировавшийся образ.

Воспринимая поэму С. А. Есенина «Черный человек» как реплику в определенном диалоге, мы поднимаем проблему интертекстуальности. Между тем, в поэме явно читается отсылка к Пушкину и создается впечатление, что всякий, кто читал пушкинского «Моцарта и Сальери», понимает, что произвело влияние на автора «Черного человека».

У Пушкина образ человека заключен в строчках: *«Мне день и ночь покоя не дает... Мне кажется он сам – третьей»* [5, с. 15]. У Есенина образ приобретает более яркие очертания: *«На кровать мне садится Черный человек... Спать мне не дает всю ночь»* [6, с. 33].

Эти очевидные параллели трудно не заметить, но нельзя утверждать, что этим и исчерпывается литературное влияние одного на другое. Можно предположить, что существует более глубокая связь между концепциями, и дело не во внешнем сходстве этих двух образов. Близость авторских трактовок выражения чувств и переживаний, сходство идей – это все то, что объединяет и сближает «черного человека» у А. С. Пушкина и С. А. Есенина. Оппозиция возникает на уровне подлинного и ложного, «светлого» и «темного», правды и лжи. Другими словами, есенинский черный человек – это модифицированный образ Сальери А. С. Пушкина.

По словам В. Г. Белинского, «...как ум, как сознание, Сальери гораздо выше Моцарта, но как непосредственная творческая сила, он ничто перед ним... И потому сама простота Моцарта, его неспособность ценить себя самого еще больше раздражают Сальери. Он не тому завидует, что Моцарт выше его, превосходство он мог бы вынести благородно, но тому, что он ничто перед Моцартом, потому что Моцарт – гений, а талант перед гением – ничто... И вот он твердо решается отравить его».

Также можно проследить сходство «Черного человека» с гоголевским «Портретом» [6, с. 25]. По мнению известного литературоведа А. Марченко, все эти связи скрыты. Это не простые литературные реминисценции, а своего рода зашифрованные намеки, невидимые для обычного читателя. При подробном анализе данной параллели можно будет проследить, «...как сельский мечтатель превратился в модного поэта» [7, с. 17], и этот путь, по мнению самого черного человека, более чем закономерен.

Как вариация, интертекстуальная связь проявляется при сравнении Черного человека с романом «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, в любви к произведениям которого Есенин признавался не раз. Ассоциативная связь выстраивается при анализе сцены ночного кошмара Ивана Федоровича и его разговора с чертом-двойником. Проведем несколько параллелей: стакан Ивана, который он бросил в черта, у Есенина претерпевает трансформацию и становится тростью, а черный человек в обоих случаях именуется одинаково – «гость».

Отсылка к «Черному монаху» А. П. Чехова прослеживается на уровне текста и на уровне восприятия данных произведений критикой. Выход «Черного монаха» дал повод возникновению слухов о психическом расстройстве Чехова. Сам же он писал, что во время работы над «Черным монахом» его ум был холоден и «унылых мыслей» у него не наблюдалось. Во всяком случае эта связь скорее формальная, нежели глубокая, психологическая [10, с. 12].

Сопоставляя «Двойника» А. Блока и «Черного человека» С. Есенина, можно отметить, что отсутствует характерная для обоих поэтов ритмическая напевность. Мотив «святого» воспоминания – вот что объединяет обоих поэтов, и если Блок уводит своего лирического героя в светлую юность, то Есенин топчет своего героя в трясине. Е. Д. Максимов считает оба эти произведения «...своеобразной

триадой, когда при столкновении двух тем рождается третья» [8, с. 40], соотнеся, таким образом, тематические структуры текстов.

Интертекстуальные отсылки поэмы не исчерпываются только русской литературой. Трагичность, расколотость и невозможность соединить светлое и темное начала души воедино – вот точки соприкосновения С. А. Есенина и Р. Л. Стивенсона («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), немаловажно и одиночество героя.

Трость, брошенная поэтом в недруга, оказалась брошена в себя, в свою собственную проекцию, она попадает в изображение себя. Так и рождается связь с нашумевшим романом «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, в котором главный герой, помяная собственную обреченность, стремится уничтожить свой портрет [9, с. 189]. Как отмечает Отто Ранк: убийство двойника, в данном случае портрета, это своего рода самоубийство, которое выражается в «безболезненном» убийстве своего «я» [7, с. 12].

Читатель, вчитывающийся в Фауста по несколько раз, и есть Фауст, и за ним однажды придёт свой Мефистофель, свой чёрный человек, прочитав ему в очередной раз ту самую «мерзкую книгу», читая ему о жизни «...какого-то прохвоста и забулдыги, нагоняя на душу скуку и страх». Да, в этой сцене из «Фауста» есть довольно жуткая переключка с «Чёрным человеком» Есенина, с упоминанием-укором о «скверной и милой девочке», погубленной.

Из вышесказанного можно сделать вывод: представленная связь, будь то прямая или опосредованная, с произведениями русской и зарубежной литературы реализуется через:

- 1) полемической диалог с элементами драматического жанра;
- 2) собственно спор о черном человеке и непосредственно спор с ночным гостем;
- 3) ограниченность во времени и необычайную напряженность.

Интертекстуальность поэмы Есенина проявляется в виде метатекстуальности, как интертекст-пересказ «Портрета» Гоголя и «Черного монаха» Чехова, собственно интертекстуальности – цитата без атрибуции.

Все выявленные нами виды интертекстуальности в поэме не только показывают Есенина как реципиента широкого круга литературного наследия, как зарубежного, так и отечественного, но и расширяют идейно-эстетическую авторскую концепцию, позволяя читателю сопоставлять разнообразные отсылки, углубляя анализ прочитанного.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. – М., 1985. – 620 с.
2. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М., 1960. – 520 с.
3. Гоголь, Н. В. Портрет / Н. В. Гоголь. – М., 1961. – 80 с.
4. Есенин, С. А. Черный человек / С. А. Есенин. – М., 1993. – 3 с.
5. Короленко, Ц. П. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 3.

6. Максимов, С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб., 1994. – 88 с.
7. Марченко, А. Поэтический мир Есенина / А. Марченко. – М., 1989. – 29 с.
8. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л., 1977. – <https://rvb.ru/pushkin/toc.htm>.
9. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд. – М., 1976. – 270 с.
10. Чехов, А. П. Черный монах / А. П. Чехов. – М., 1995. – 38 с.